

О. В. ТВОРОГОВ

Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси

Внимание исследователей древнерусской литературы неоднократно привлекали литературные формулы: традиционные, часто повторяющиеся обороты речи, устойчивые словосочетания, сходные описания сходных ситуаций, которые мы встречаем в тексте летописей, воинских повестей, житий.

Еще в 1871 г. В. О. Ключевский отмечал характерные черты стиля древнерусских житий: «Одна состоит в известном выборе биографических черт для жития», другая — в том, что «из жизни святого берутся лишь такие черты, к которым можно привязать... готовые формулы жития», «заученные выражения», применимые ко всякому святому.¹ Сама жизнь святого, по словам В. О. Ключевского, превращалась в житий в ряд «отвлеченных характеристик»,² «биографических гипотез»,³ и само житие «есть лишь ряд отдельных эпизодов, изображающих торжественные минуты в жизни святого»,⁴ выраженных в постоянных традиционных словесных формулах.

К наблюдениям над литературными формулами, но уже на материале летописей и воинских повестей, обратится 30 лет спустя А. С. Орлов.⁵ Развивая наблюдения Е. В. Барсова над стилистическими особенностями «Слова о полку Игореве»,⁶ А. С. Орлов приходит к выводу, что у древнерусских книжников «выработался известный художественный шаблон, который служил им готовою канвою для того или другого сюжета». Исследователь справедливо замечает, что «формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода». Эти стилистические особенности воинских повестей формировались, по мнению автора, под стилистическим воздействием летописей, где «почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях». В статье дается перечень наиболее распространенных литератур-

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 63.

² Там же, стр. 429.

³ Там же, стр. 430.

⁴ Там же, стр. 430—431.

⁵ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. (Отдельный оттиск из ЧОИДР).

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. — ЧОИДР. М., 1884, кн. 2, гл. II.

⁷ А. С. Орлов. Об особенностях формы..., стр. 1.

⁸ Там же.

ных формул воинских повестей, встречающихся в памятниках XII—XVI вв. А. С. Орлов наблюдает также проникновение стилистических приемов одного жанра в произведения другого жанра,⁹ вслед за Ключевским отмечает не только использование определенных словесных формул, языковых штампов, но и «стереотипную схему последовательного действия».¹⁰ В следующей работе, посвященной изучению стиля исторических повестей XVI—XVII вв.,¹¹ содержатся ценные наблюдения над эволюцией литературных формул: автор демонстрирует преемственность отдельных стилистических приемов и то новое, что вносилось на следующих этапах развития литературы.

После работ А. С. Орлова понятие о литературных формулах прочно вошло в наше литературоведение и лингвистику. Однако ни в терминологии, применяемой для обозначения этого явления, ни в решении вопроса, что же считать литературной формулой, еще нет единства.¹²

Особый интерес для выработки методики изучения литературных формул и уточнения наших взглядов на природу этого явления представляет статья Д. С. Лихачева «Литературный этикет древней Руси».¹³ Автор утверждает, что «не жанр произведения определяет собою выбор выражения, выбор „формул“, а предмет, о котором идет речь»,¹⁴ решительно предостерегает от слишком узкого понимания явления «этикетности»: оно включает в себя не только этикет выражений, но и этикет ситуации, этикет композиции, этикет языка.¹⁵

Прежде чем говорить о задачах изучения устойчивых литературных формул и методике этого изучения, необходимо твердо определить, что мы будем называть литературной формулой. Обратимся к примерам. В. О. Ключевский справедливо отмечал, что агнограф «освещал описываемую жизнь только с некоторых и во всех житиях все с одних и тех же сторон, оставляя в тени другие».¹⁶ Действительно, в большинстве житий мы читаем, например, сходные описания раннего благочестия святого, который избегает игр с детьми и всякого рода «позорищ», с особым рвением отдается чтению «божественных писаний», усердно посещает церковь. Эта почти обязательная, традиционная черта «биографии» святого повторяется в житиях, созданных в разное время, в разных областях Руси, разными авторами. Сравним несколько фрагментов из житий.

«Растый убо тълъмь и душею влекомъ на любовьъ божию, и хожаше по вся дъни въ църкъвь божию, послушая божествныхъ книгъ съ всъмь вьниманиемъ, еще же и къ дѣтъмь играющимъ не приближашеся, яко же обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ . . . Къ симъ же и датися на учение божествныхъ книгъ . . . И въ скорѣ извыче вся граматики я».¹⁷

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909.

¹² Так, устойчивые словосочетания, входящие в состав традиционных описаний, называли «стилистическими формулами» (Н. К. Гудзий, С. А. Бугославский), «постоянными формулами» (А. С. Орлов), «стилистическими трафаретами» (Д. С. Лихачев), «устойчивыми формулами» (И. П. Еремин), «стилистическими шаблонами» (Б. А. Ларин), «стереотипными формулами» (В. Мансикка) и т. д.

¹³ Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961.

¹⁴ Там же, стр. 6.

¹⁵ Там же, стр. 6—7, 11—12 и др.

¹⁶ В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития. . . , стр. 430.

¹⁷ Житие Феодосия Печерского. — ЧОИДР. М., 1899, кн. 2, стр. 43.

«И егда же бѣ отрочатемъ . . . родителя же его даста и книгамъ учити. Не бо унываше, яко и прочая дѣти, но скорымъ прилежаниемъ извыче, к сему же на игры съ инѣмы не исхожааше, но на божественное и на церковное пѣние и почитание преже инѣхъ притекая». ¹⁸

«И по семъ отроку оному устрабившуся мало нѣчто возрастомъ, и вданъ бываетъ родительми своими учитися божественнымъ книгам. И абие вскорѣ никако извыкшу книжное учение, и нимало исхожааше съ сверстники своими на игры дѣтския, но паче прилежаше къ церкви божи и въ сласть почиташе божественная писания». ¹⁹

«Тѣмже воспитан бывъ в добре наказании и по времени вданъ бывает учитися божественнымъ книгамъ, тѣмже вскорѣ нѣкако и некосно извыче божественная писания . . . не убо уклоняшеся на некая игры или позоры, но паче на прочитание божественныхъ писаний». ²⁰

«Таже божественною благодатию спѣшне отроку растящу и времени пришедшу, вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ; тѣмже тому спѣшне писания извыкшу». ²¹

«Тѣмже и воспитанъ бывъ въ добромъ наказании, и по времени вданъ бываетъ родительми своими учитися божественнымъ книгамъ, вскорѣ нѣкако ясно извыче божественная писания . . . Не убо уклоняшеся на нѣкая играная или позоры, но паче на прочитание божественныхъ писаний и на церковное пѣние». ²²

Сопоставляя эти фрагменты из житий, мы обнаружим не только сходство «по содержанию» — изображение сходных ситуаций, но и немало общих словесных штампов. Так, в ряде житий встречаются «устойчивые словосочетания» ²³ «вдан . . . учитися божественнымъ книгамъ», ²⁴ «прочитание (почитание) божественныхъ писаний», «извыче божественное писание».

Однако считать устойчивыми литературными формулами только эти словесные штампы нам кажется недостаточным. Упоминания, что отрок, будущий святой, уклоняется от игр со сверстниками, не менее традиционны, трафаретны, хотя и не содержат в себе достаточно устойчивых словесных штампов.

Еще подобный пример. В летописях описание благочестия князя зачастую строится на сходных фактах: следуя «этикету ситуации», летописец упоминает о почитании княземъ служителей культа. Сравним характеристики нескольких князей в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи и в Симеоновской летописи. Ярослав Владимирович «попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ» (ПВЛ, стр. 102); ²⁵ Всеволод

¹⁸ Житие Авраамия Смоленского. — В кн.: Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 3.

¹⁹ Житие Нифонта, архиепископа новгородского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 2.

²⁰ Житие Варлаама Хутынского. — ПДПИ, вып. ХLI. СПб., 1831, стр. 4.

²¹ Житие Евфимия, архиепископа новгородского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 17.

²² Житие Евфросина Псковского. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 69.

²³ Термин «устойчивое словосочетание» мы употребляем здесь для обозначения ряда повторяющихся слов, а не в обычном грамматическом значении этого термина.

²⁴ Отметим попутно, что глагол «вдати» в рукописях светского содержания в XVI в. встречается крайне редко. Даже в тех случаях, когда рукопись представляет собой список с более древнего протографа, этот глагол часто заменяется синонимами «отдати», «дати» и др. См.: О. В. Творогов. Словарь-комментарий к «Повести временных лет». Автореферат. Л., 1962, стр. 8 и 9.

²⁵ Повесть временных лет (далее: ПВЛ), ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

Ярославич «бѣ издѣтска боголюбив . . . въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци и подаеше требованье имъ» (там же, стр. 142); Всеволод Георгиевич «любяше же по многу черноризский и поповский чинъ» (Симеон. лет., стр. 47);²⁶ Константин Всеволодович «чтяше . . . паче меры иерейский и мнишьский чинъ» (там же, стр. 50); Юрий Всеволодович «чтяше же излиха чернеченский чинъ и поповский» (там же, стр. 60) и т. д. И снова мы наблюдаем отсутствие достаточно устойчивых словосочетаний при устойчивости «ситуативной формулы» — подбор определенных черт характеристики князя.

Еще пример. В Повести временных лет описания битв очень сходны по композиции: сообщается о начале битвы, затем указывается на ее ожесточенность, а в заключение называется победитель и говорится о бегстве противника. Ср.: «Съвъщаша Русь, изидоша, вѣружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зѣли, одва одолѣша грѣци» (ПВЛ, стр. 33); «И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика и одолаху болгаре» (там же, стр. 50); «И исполчшася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаше грѣци» (там же, стр. 50); «. . . и поидоша противу собѣ, и ступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла . . . и одолѣ Ярослав. Святополкъ же бѣжа» (там же, стр. 96); «. . . и ступишася обои, бысть сѣча зла . . . К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа» (там же, стр. 98); «И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и ступися чело сѣверь съ варягы . . . И бысть сѣча силна» (там же, стр. 100); «. . . и ступишася на мѣсте . . . И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша печенѣзи разнѣ» (там же, стр. 102) и др. В этих описаниях мы встречаем устойчивое словосочетание «сѣча зла» и сходные описания конца битвы: «одолеѣ» победитель, противник «бежал». Таковую концовку регулярно встречаем мы лишь в Повести временных лет, тогда как, например, в Ипатьевской летописи в этом же случае более 25 раз употребляется другое устойчивое словосочетание: воины противника частью «избиты», частью «изыманы».²⁷ Напомним также о наблюдениях А. С. Орлова над различными вариантами традиционных описаний божьей помощи во время битвы.²⁸ Число таких примеров можно увеличить.

Эти наблюдения приводят нас к выводу, что мы должны рассматривать в первую очередь традиционные ситуативные формулы (т. е. сходные по выбору фактов и композиции описания, фрагменты характеристик и т. п.), а затем изучать различные варианты словесных штампов (устойчивых словосочетаний), входящих в состав этих формул. Далее мы обозначаем термином «устойчивая литературная формула» только ситуативную формулу, а входящие в ее состав устойчивые словесные штампы называем «устойчивыми словосочетаниями». Такое разграничение совершенно необходимо, так как устойчивые литературные формулы довольно инертны, тогда как обслуживающие их устойчивые словосочетания, напротив, время от времени сменяются другими, отражая литературную манеру автора, редактора, школы и т. д. Подтвердим эту мысль рядом примеров.²⁹

²⁶ Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1913.

²⁷ См. об этом в нашей статье «Традиционные устойчивые словосочетания в „Повести временных лет“». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1961, стр. 280—281.

²⁸ А. С. Орлов. Об особенностях формы. . . , стр. 37—46.

²⁹ В данной статье мы не затрагиваем вопроса о византийских или иных источниках устойчивых литературных формул и устойчивых словосочетаний — это тема особой работы.

Одной из наиболее распространенных устойчивых литературных формул является описание смерти и погребения князя. Это описание состоит из следующих элементов: указание на факт смерти, сообщение о всенародном оплакивании князя, изображение похоронной процессии и указание на место погребения. Одним из наиболее четких примеров этой литературной формулы является описание смерти Олега Вещего в Повести временных лет: «И с того разболъся и умре. И плакашеса людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Цѣковица»³⁰ (ПВЛ, под 912 г., стр. 30).

Несколько наблюдений над обозначением факта смерти. С записи 1000 г. в Повести временных лет все шире начинает применяться эвфемизм «преставитися», вытесняющий употреблявшийся до этого глагол «умрети». В записях 1000—1111 гг. этот эвфемизм встретится 22 раза в сообщениях о кончине князя и 8 раз при описании смерти лиц духовного звания, а глагол «умрети» лишь 8 раз. Лаврентьевская, Ипатьевская, Симеоновская и другие летописи после 1111 г. знают почти исключительно глагол «преставитися». В Ипатьевской летописи уже с записи 1169 г. встречается и другой эвфемизм: словосочетание «приложитися к (дедам и) отцам своим, отдав общій долг, его же несть убежати всякому роженому». Однако этот эвфемизм входит в состав другой литературной формулы — некрологической характеристики князя. Так, после повествования о погребении Романа говорится: «Сии же благовѣрныи князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смиренъ, кротокъ, незлобивъ . . . души своей оставление грѣховъ прося, и приложися к дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общиши свои долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому» (Ипат. лет., под 1180 г., стлб. 617).³¹

Некоторые князья перед смертью постригались, принимали схиму. Этот обряд, отмечаемый в летописях, также получает различное словесное оформление в различных летописных сводах. Сопоставим, например, записи в Симеоновской и Никоновской летописях:

Того же лѣта преставися князь Федоръ Ростиславичъ Черныи Ярославский и Смоленский. . . въ чернцѣхъ и въ скимѣ (Симеон. лет., под 1300 г., стр. 84).

Тое же осени въ Филипово говньне преставися князь Костянтинъ Васильевичъ Суздальскыи мѣсяца ноября въ 21, на Введение святыя богородица, въ чернцѣхъ и въ скимѣ, и положенъ бысть въ церкви святого Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ (Симеон. лет., под 1355 г., стр. 99).

Того же лѣта пострижеса во святыи аггельскый иноческый образъ князь великии Феодоръ Черныи Ярославский . . . и преставися во святемъ аггельскомъ иноческомъ образѣ и въ скимѣ (Никон. лет., стр. 172).³²

Того же лѣта преставися князь Константинъ Васильевичъ Суздальскый во иноцехъ и въ скимѣ, и положенъ бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, въ созданныи его церкви святого Спаса (Никон. лет., стр. 228).

В дальнейшем на смену этим устойчивым словосочетаниям придет другое: «в мнишском чину». Например: «Тое же весны преставися княгини Олгердова Ульяна, дщи князя Александра Тферьскаго, и наречена

³⁰ Не следует принимать это описание за своего рода прообраз, эталон, подвергавшийся дальнейшим распространениям и «украшениям»: оно появилось лишь в Повести временных лет Нестора и построено по образцу описаний, имеющихся в Начальном своде.

³¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908. См. эту формулу также на стлб. 532, 551, 611, 665, 706 и в Симеоновской летописи на стр. 47 и 76.

³² Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. X. СПб., 1885.

въ мнишьском чину Марина, и положена бысть в Печере на Киевѣ (Моск. лет. свод, под 1392 г., стр. 219);³³ «А того же лѣта июля 5 преставися великаа княгини Софья Васильева Дмитреевича во мнишеском чину ... а наречена въ мнишьском чину Еуфросинья» (там же, под 1453 г., стр. 273).

Как указывалось, распространенным элементом рассматриваемой традиционной формулы является описание всенародного оплакивания князя. Приведем несколько примеров таких описаний в различных летописях.

«И не бѣ лѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ и вопли; плака бо ся по немь (по Изяславу) весь град Киевѣ» (ПВЛ, под 1078 г., стр. 133); «И вси кияне великъ плачь створиша над нимь (Ярополком)» (там же, под 1086 г., стр. 136); «... и тако спрятавшѣ тѣло его (Мстислава) съ честью и благохвалными пѣснями ... и плакашася по немь вся земля Новгородская» (Ипат. лет., под 1179 г., стлб. 609—610); «Того же лѣта преставися благочестивый и христоролюбивый великий князь Александръ, сынъ Ярославль ... и пѣвшѣ надъ нимъ обычныя пѣсни и положиша тѣло его въ монастыри Рожества святыя богородица, и плакашася надъ нимъ много» (Симеон. лет., под 1262 г., стр. 72); «Престави же ся (Михаил Тверской) въ монастыри святого Афанасиа, въ вторникъ вечеру глубокоу сушу, и томъ часѣ увѣдѣся по всему граду преставление его и въсплакаша челоуѣци въ домѣхъ своихъ, и смятѣся весь градъ ноши тоя, печали ради бывшиа» (там же, под 1399 г., стр. 147).

Эти примеры убедительно показывают, что, с одной стороны, на протяжении нескольких веков по требованию литературного этикета в описаниях смерти князя говорилось о «плаче» народа по умершем, но данная устойчивая литературная формула допускала различные комбинации устойчивых словосочетаний («плач велик», «пенья не слышати в плачи великом» и др.).

Последним из элементов рассматриваемой формулы являлось указание на церковь или монастырь, где погребен князь. Создание церквей — одна из христианских добродетелей князя, поэтому при возможности летописец упоминает, что он погребен в церкви, «юже создал сам». Например: «Преставися князь Мстиславъ мѣсяца августа въ 19 ... и положиша тѣло его въ святѣи Богородици въ епископѣи, юже бѣ самъ созда въ Володимери» (Ипат. лет., стлб. 559); «Того же лѣта преставися княгини Всеволожая ... И положена бысть въ Киевѣ у святого Кирила, юже бѣ сама создала» (там же, стлб. 612). Если церковь, где погребен князь, построена не им, летописец специально оговаривает это: «... положиша въ церкви святыя Богородица Златоверхая, юже созда, украсиль братъ его Андреи» (Симеон. лет., стр. 47), или «... положенъ бысть во церкви ... юже бѣ создалъ прадѣдъ его, великий князь Святополкъ» (Ипат. лет., стлб. 665—666).

Итак, состав литературной формулы, ее композиция долгое время остаются неизменными, тогда как ее словесное оформление постоянно варьируется.

Как же обстояло дело с так называемыми «воинскими формулами»? А. С. Орлов писал, что в летописи «почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях»,³⁴ и привел несколько примеров «обычной схемы боя».³⁵ Однако такую «обычную» схему боя мы встречаем исключительно редко. Попытки выработать «единый» трафарет описаний войн и отдель-

³³ Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

³⁴ А. С. Орлов. Об особенностях формы..., стр. 1.

³⁵ Там же, стр. 8.

ных сражений, даже если бы такие были, неизбежно столкнулись бы со стремлением летописцев к историчности: ход сражения и его результат могли быть самыми различными, а хронист, особенно современник событий, старался это отметить. Поэтому справедливо замечание Д. С. Лихачева, что в летописи «в меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы . . . сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам».³⁶ Документальность «летописного рассказа» отмечал в своей работе о Киевской летописи и И. П. Еремин.³⁷ Это стремление летописи к документальности, относительная свобода от чисто литературных приемов в отдельных описаниях особенно заметны. Например: «Изяслав же перешедъ к ним черезъ рѣку Сърть и сступиша ся битъ, и бысть съча зла и между ими смятенье: не въдахуть, котории суть побѣдили. Изяслав бо женяшеть галичаны, а галичане Изяславлю дружину и сына его» (Лавр. лет., стлб. 340);³⁸ «Володимеръ же Глѣбовичъ, бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче (Хлебн., Погод.: потече) к нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеса, выринушася из города и тако отяша князя своего язвена сущи трети копы» (Ипат. лет., стлб. 646—647).

Нам кажется, что не следует говорить о наличии в русском летописании устойчивых литературных формул боя («обычной схемы», по выражению А. С. Орлова): такие формулы встречаются регулярно, пожалуй, лишь в Повести временных лет (см. примеры на стр. 32).³⁹ Обычно же в описаниях военных эпизодов мы наблюдаем лишь различные устойчивые формулы и словосочетания, употребляющиеся для характеристики отдельных эпизодов: сборов в поход, начала битвы, разорения земли неприятелем, помощи небесных сил и т. д. Приведем несколько примеров таких описаний, выделяя встречающиеся в них устойчивые словосочетания. «И поѣхаша по дорозѣ по нихъ, и срѣтоша ѣ изнова друзиѣ, и ступишася с ними, и бишася крѣпко и. поможе богъ Михалкови и Всеволоду на поганьи, дѣдня и отьня молитва. И сбьсться в недѣлю: самы поганья избьша, а другыя изымаша, и полонъ отяша 4 ста чади и пустиша я во свояси» (Ипат. лет., под 1173 г., стлб. 563); «Томъ же лѣтъ Володимеръ, сынъ Всеволожь, слышавъ, аже идуъ половци къ Переяславлю, и изыде противу имъ въскорѣ и усрѣтеса съ ними на рѣцѣ, и бишася крѣпцѣ, и мнози падаху божимъ попушениемъ, за умножение грѣхъ нашихъ. и одолъша половци, мнози отъ Руси избьени быша, а иныхъ изымаша, а самого князя Володимера яша и ведоша въ вежи свои» (Симеон. лет., под 1216 г., стр. 48); «Порокомъ же бьющимъ бесперестани день и ношь, и выбьша стѣны, и възыдоша горожане на городъ на избитыа стѣны, и ту бѣ видѣти ломъ копейныи и щитъ скѣпанье, и стрѣлы омрачиша свѣтъ» (там же, под 1240 г., стр. 60); «. . . и стоялъ князь великий Дмитрей съ всею силою у города Тѣфѣри 4 недѣли, посадъ весь по жгоша около города, и волости, и села, и страны, и предѣлы Тѣферскыя повоеваша и пусто сѣтвориша, имѣннѣя пограбиша, а люди

³⁶ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 170.

³⁷ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 72—74.

³⁸ Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е. Л., 1927.

³⁹ Можно предположить, что летописец вынужден был прибегать к таким формулам, так как создавал описания этих битв много лет спустя, основываясь на устных преданиях, сохранивших лишь отдельные, наиболее яркие эпизоды.

въ полонъ поведоша. И мнози тферичи язвени быша отъ нахожениа ратныхъ и мнози оружиемъ падоша, а полона множество розведоша» (там же, под 1375 г., стр. 116).

Таким образом, в изображениях воинских эпизодов мы наблюдаем сочетание описаний отдельных конкретных фактов с описаниями типичных явлений, причем эти последние выражаются обычно в традиционных словесных формулах.

Теперь вновь уместно вернуться к пояснению, что же делает устойчивые словосочетания фактом стиля. Традиционным мы считаем любое словосочетание, если оно намеренно употребляется для обозначения определенных явлений действительности.⁴⁰ Причем мы вправе считать «устойчивым словосочетанием» в стилистическом смысле не только организованное грамматически сочетание слов («не успети ничто же», «битися крепко», «землю пусту сотворити» и т. п.),⁴¹ но и группу совместно повторяющихся, хотя и не связанных друг с другом грамматически слов. Так, во фрагменте «посади весь пожгоша около города ... и предѣлы Тферскыя повоеваша и пусто сотвориша» мы выделяем устойчивое словосочетание «повоевати — пожечи». Основанием для этого выделения является совместное употребление этих слов в ряде других мест летописи. Например: «Володимиръ же Давыдовичъ и брат его Изяславъ тако отвѣчаста Гюргеви рекуче: Ты еси бълъ (так!) к нама хрестъ целоваль, а Изяславъ пришедъ землю нашу повоевалъ, и по Задѣснью города наша пожегль» (Ипат. лет., под 1149 г., стлб. 377); «Изяславу же стоящую с половци и велику пакость створиша: села пожгоша, люди повоеваша» (Лавр. лет., под 1159 г., стлб. 349); «... волости повоева, и села и дворы огнемъ поже же, много христианъ посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе, а имѣние ихъ пограбиша» (Симеон. лет., под 1368 г., стр. 109); «Татарове же пришедше и градъ Переяславль и прочии грады взяша, и огнемъ пожегоша, и волости и села повоеваша, а людеи много посѣкоша, а иныя въ полонъ поведоша» (там же, под 1378 г., стр. 127); «Татарове же волости повоеваша, и города поймаща, а села пожгоша, а монастыри пограбиша, а христианъ посѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша, и много зла сътвориша» (там же, под 1382 г., стр. 133). Можно заметить, что устойчивое словосочетание «пожечи — повоевати» является в одних случаях единственным компонентом, в других — одним из компонентов особой литературной формулы: «разорение земли неприятелем».

Итак, предметом изучения должны явиться различные литературные формулы, иногда обладающие сложной композиционной структурой (например, формула «смерть и погребение князя»), иногда очень простые, образованные одним-двумя устойчивыми словосочетаниями.

⁴⁰ Исследователи фразеологии современного русского литературного языка также наблюдают сходные стилистические явления. С. И. Ожегов в статье «О структуре фразеологии» (Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957, стр. 46), рассматривая такие словосочетания, как «капиталистическое окружение», «чувство нового», «новатор производства» и др., пишет: «Эти обычные словосочетания, как их можно было бы назвать, среди фразеологических единиц занимают особое место. Не претерпевая смысловых изменений в составляющих их словесных компонентах, они в каждую эпоху представляют собою как бы принудительные средства для точного обозначения соответствующего отрезка действительности».

⁴¹ Ср. определение грамматического термина «словосочетание» в «Грамматике русского языка» (т. II, ч. I. М., 1952, стр. 10 и далее).

Особой задачей является исследование истоков литературного этикета. Предполагается, что «часть этикетных правил взята из жизненного обихода, из реальной обрядности».⁴² Конкретный материал подтверждает эту мысль.

Так, вероятно, именно строгая обрядность похорон способствовала выработке столь же строгого этикета их описания. Неоднократно упоминаемый в этих описаниях «плач великий», возможно, имел место и в жизни, являясь элементом еще языческого похоронного ритуала. Следы такого ритуала долгое время сосуществовали с христианской обрядностью. Косвенное указание на это можно видеть в описании погребения князя Михаила в языческом Муроме: «Невѣрнии же людие, видяще сия (христианский обряд погребения), дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребение . . . ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедрания, ни плача безмѣрнаго не творяху».⁴³ Характерно также, что в записях XV—XVI вв. упоминания о «плаче» становятся все реже и носят все более условный, чисто «литературный» характер. В качестве примера приведем несколько фрагментов из статьи о преставлении Дмитрия Ивановича Углицкого по Типографской летописи (под 1521 г.): «. . . и бысть плачь и рыдание велие не токмо въ дому его, но и въ всемъ градѣ сѣтование неутолимо, и юныя отрочата клича и слезъ домы своя исполняша, аки по своихъ родителехъ слезы лияше . . . Нищия же и убогия от неразумия с великия печали драше лица своя, горце же слезы лияше, не токмо ризы свои слезами мочаше. но и землю».⁴⁴

Можно попытаться обнаружить и источники отдельных устойчивых словосочетаний. Некоторые из них пришли в древнерусский литературный язык из переводных памятников, в частности библейских книг. Другие, как можно предположить, имели широкое распространение в живой речи, являлись устными «этикетными формулами», позднее отраженными в письменных памятниках. Приведем пример.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня говорится, что Ольга «старѣйшины . . . града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предастъ мужемъ своимъ» (ПВЛ, под 946 г., стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе внимание: здесь не заметно следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. В этом произведении, несомненно близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть — «изымана», взята в плен. Например: «. . . на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);⁴⁵ «. . . а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изымаша» (стр. 160); «. . . идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). Можно предположить, что в «Поучение» Мономаха эта традиционная формула попала из живой военной терминологии. Начиная с записи 1148 г. эта формула необыкновенно часто встречается в Ипатьевской летописи.⁴⁶

⁴² Д. С. Лихачев. Литературный этикет. . . , стр. 9.

⁴³ См.: Сказание о житии . . . благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Феодора. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, СПб., 1860, стр. 231.

⁴⁴ Типографская летопись. — ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 219.

⁴⁵ Цит. по: Повесть временных лет. М.—Л., 1950.

⁴⁶ Например: «. . . и бѣжашимъ имъ овѣхъ избиша, а другия изымаша. . .» (Ипат. лет., под 1151 г., стлб. 438); «. . . много ихъ избиша, а другия рукама изымаша»

В несколько измененном виде формула «избити—изымати» сохраняется и в позднем летописании. Так, в описаниях событий XV в. в Типографской летописи мы встречаем ряд литературных формул, напоминающих формулы Ипатьевской летописи. Например: «Того же лѣта идеша татарове казанские и взяша городокъ Устюжскій Кичменгу и множество изсѣкоша, а иныхъ въ полонѣ поимаша» (Типогр. лет., под 1468 г., стр. 186); «Тое же осени приходиша татарове отъ Болшие Орды и воеваша около Рязани села и волости и множество изсѣкоша, а иныхъ в полонѣ поимаша» (там же, стр. 187); «...наши же приидоша безъ вѣсти подъ Казань и мало города не взяша, посады же пожгоша, безбожныхъ же ту на посадѣ множество побиша, иныхъ же плѣниша» (там же, под 1469 г., стр. 188). Возможно, что отражение этой литературной формулы встречаем и в «Ином сказании»: «И гнаша же во вслѣдъ ихъ, женуше и сѣкуше, и многое ихъ множество побиша, овѣхъ же живыхъ плѣниша».⁴⁷

Были ли эти эволюции литературных формул отражением аналогичных изменений устойчивых оборотов в устной речи или отражали «литературную судьбу» когда-то живой речевой формулы, судить трудно: слишком ограничены наши сведения о разговорном языке Древней Руси.

При изучении явлений литературного этикета мы должны обратить особое внимание на сложное взаимодействие двух противоречащих тенденций древнерусской литературы: тенденции к точному воспроизведению явлений действительности и тенденции к обобщенному, схематизированному изображению таких явлений по нормам литературного этикета. Иначе говоря, нам важно установить, что из изображенного в данном описании имело место в жизни, что воссоздано автором по схеме литературного этикета из «готового материала» (литературных формул, языковых шаблонов и т. д.) и что является чистым вымыслом, «литературной фикцией».⁴⁸ Иногда «чистая литературность» какого-либо описания, характеристики и тому подобного довольно очевидна. Достаточно, например, сопоставить фрагменты из Повести временных лет и Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку), чтобы установить искусственность содержащейся в последней характеристики ростовского епископа Луки.

Лаврентьевская летопись

Бысть же съ мужь молчаливъ, милостивъ къ убогимъ и вдовицам, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, рѣчью и дѣломъ утѣшая печалныя, по истинѣ добрыи пастухъ, иже пасть словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за нь день и ночь... и прехода от дѣла в дѣло уншее и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, тѣмьянь благовонныи... (под 1185 г., стлб. 391).

Повесть временных лет

Бысть же Иоанъ ... милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ ... книгами святыми утѣшая печалныя ... (под 1089 г., стр. 137). ... прореченье ... Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за не ... прехода от дѣла в дѣло уншее, и обычныя молбы богу въздая, в воюю благоуханья принося кадило молитвенное, темьянь благовонный (под 1091 г., стр. 140).

(там же, под 1160 г., стлб. 507), см. также стлб. 364, 382, 432, 442, 443, 449, 475, 479, 507 и мн. др.

⁴⁷ «Иное сказание». — В кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. СПб., 1909 (РИБ, т. XIII), стлб. 110.

⁴⁸ Мы можем ставить вопрос о «литературном вымысле» для тех жанров древнерусской литературы, которые претендовали на воспроизведение фактов (летописание и агиография), хотя в действительности и летописи, и жития являлись литературными произведениями.

В той же Лаврентьевской летописи под 1216 г. помещена характеристика ростовского епископа Пахомия, также построенная из сочетания (правда, в иной последовательности) тех же традиционных формул: «Съ бѣ блаженный епископъ . . . истинный бѣ пастырь, а не наймникъ . . . преходя от дѣла въ дѣло уншее, сиротами добръ пекыся, милостивъ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому . . . смѣренъ, кротокъ . . . всѣми дѣлы утѣшая печалныя» (стлб. 439).

Еще пример. В Повести временных лет содержится следующая запись о смерти Изяслава Владимировича: «Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславъ, сынъ Володимеръ» (стр. 88). Такая же краткая справка содержится и в других летописях. Однако в Никоновской летописи, кроме этого, есть некрологическая характеристика: «. . . бысть же сий князь тихъ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ, и любя зѣло и почитая священнический чинъ и иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся отъ суетных глумлений, и слезенъ, и умилень, и долгогрѣпъливъ».⁴⁹

Одним из доказательств, что некрологическая характеристика Никоновской летописи — лишь «украшение» древней краткой записи, служит то, что все элементы этой характеристики — широко распространенные традиционные формулы. Интересно отметить, что, например, эпитет «долгогерпелив» мы часто встречаем в составе и других распространений Никоновской летописи.⁵⁰ Более сложно определить «литературный вымысел», если он оригинален, единичен, не составлен из общих мест, устойчивых словосочетаний. Примером такого вымысла, вероятно, является сообщение Повести временных лет о подробностях бегства Святополка, одержимого манией преследования (ПВЛ, стр. 98), в котором можно видеть «конкретизацию» известной библейской формулы: «и побѣгнете никому же гонящу васъ» (Левит, XXV, 17). Аналогичный пример — рассказ половецких (I) пленников о небесной помощи русским воинам: «Како можемъ битися с вами, а друзии въздоху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?» (ПВЛ, стр. 192).

Таким образом, очень важно уметь отличать литературные построения от описаний действительных фактов. Это лишний раз говорит о необходимости изучения устойчивых литературных формул, создания указателей таких формул, составленных на материале большого числа литературных памятников.

Несколько слов о литературном этикете в связи с проблемой эстетической ценности древнерусской литературы. Литературный этикет средневековья, на наш взгляд, явление эстетическое, он является одной из тех условностей, без которых не существует и не может существовать ни одно искусство. Следование канонам литературного этикета на известной стадии развития древнерусской литературы не уменьшало ее художественной ценности, напротив, оно указывало на наличие определенных эстетических запросов у древнерусских читателей и книжников. Летописец или агиограф прибегал к традиционным формулам не потому, что этим «облегчал» свою работу, избавляя себя от необходимости подыскивать «нужные» слова или выбирать композиционные приемы в описаниях, а потому, что стремился «упорядочить» свое изложение, привести его в соответствие с миропонима-

⁴⁹ ПСРА, т. IX. СПб., 1862, стр. 68.

⁵⁰ Там же, стр. 79, стр. 107 и др.

нием своего времени, стремился облегчить смысловое и художественное восприятие своего повествования, ибо и читатель ждал и требовал от него именно такого, «упорядоченного» и «украшенного» изложения.⁵¹

Здесь уместно подчеркнуть, что явление литературного этикета прослеживается и в других дореалистических литературных направлениях. Когда В. К. Кюхельбекер писал, что у русских поэтов-романтиков «картины везде одни и те же: луна, которая — разумеется — *уныла* и *бледна*, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря... в особенности же — *туман*: туманы над бором, туманы над полями»,⁵² он выступал против «этикета ситуации», против «устойчивых литературных формул» романтического пейзажа. Поэтому изучение литературного этикета Древней Руси нужно не только литературоведам-медиевистам, оно необходимо для познания процесса развития русской литературы в целом.

Подведем итоги. Итак, предметом исследований должны стать литературные формулы и обслуживающие их устойчивые словосочетания. От эпизодических наблюдений над отдельными формулами в отдельных текстах необходимо перейти к анализу всей их совокупности в возможно большем круге памятников. Лишь собрав обширный материал, можно переходить к исследованию системы литературных формул Древней Руси и ее эволюции на разных этапах развития древнерусской литературы.

Следующими этапами исследования могут явиться вопросы о происхождении литературных формул, о связи литературного этикета с этикетом древнерусского быта, о соотношении литературного этикета с этикетными явлениями в других областях древнерусского искусства.

⁵¹ Мы не должны забывать и о другой, идеологической стороне литературного этикета: о стремлении к изображению людей и событий такими, какими они должны быть в представлении читателей. (См.: Д. С. Лихачев. Литературный этикет..., стр. 11).

⁵² В. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. ГИХЛ, М.—Л., 1961, стр. 552.